

Эти материалы были опубликованы в «Химии и жизни» в 1989 году, в № 11. Тогда мне казалось, что этой публикацией мы произведем революцию в медицине. Но, к сожалению, случилась совсем другая революция, и, возможно, поэтому опубликованные в ХиЖ материалы остались незамеченными — не до того было в те годы, когда разваливали страну и на ее обломках окапывался дикий капитализм.

Сегодня, когда Россия приходит в себя и возвращает себе достоинство и истинный суверенитет, кажется уместным повторить ту публикацию. Конечно, нынче тираж у ХиЖ уже не тот, что 40 лет назад. Но с другой стороны, нам в помощь интернет. Поэтому есть надежда, что удивительный метод Самохоцкого заинтересует исследователей. А там, глядишь, и до революции в медицине дело дойдет.

Тогда, в 1989-м, эти материалы появились в журнале благодаря письму в редакцию ХиЖ, которое написал врач-психиатр Е.К. Свидзинский из Одессы. Вот это письмо.

«Уважаемая редакция! Выполняя волю моего учителя и друга А.С. Самохоцкого, умершего в 1986 году, предлагаю к публикации его работу «О нервизме и его лечебных закономерностях». В свое время работа не была напечатана: метод Александра Святославовича находился в таком разительном противоречии с общепринятыми представлениями официальной медицины, что публикация казалась немыслимой. Теоретическая медицина находилась (и находится) в плену микробиологии, а ее представления о болезни как о результате внедрения в организм микроба — на уровне представлений знахаря о проникновении в организм злого духа; разница только терминологическая...

Работа Самохоцкого — первая, исходящая из внутренних возможностей организма, это первая попытка воздействовать импульсом через центральную нервную систему, вызвать цепь нормализующих преобразований в организме. Труд Александра Святославовича равен открытию и, по моему мнению, превосходит всё, что известно в теоретической медицине.

Само собой разумеется, что Самохоцкий — личность исключительная, человек огромной воли, целеустремленности, таланта. Более всего внешним обликом и внутренним содержанием он походил на Тимофеева-Ресовского, каким его изобразил Гранин в романе «Зубр». Еще при жизни он стал легендой...

◀ Архивное фото А.С. Самохоцкого отретушировано с помощью нейросети Gemini

Как тогда говорили, письмо позвало в дорогу. Редакция направила меня в Одессу в качестве специального корреспондента, чтобы я на месте во всем разобралась. Я съездила, познакомилась с интересными людьми и написала эссе о Самохоцком. Его тут же опубликовали в журнале. А к нему добавили еще и статью самого Самохоцкого. Эти материалы мы и предлагаем вашему вниманию. Покажите их тем, кому это может быть интересно профессионально.

Портреты

Л.Н. Стрельникова

Он был врач

После множества встреч в Одессе со старыми знакомыми и близкими Александра Святославовича Самохоцкого я, кажется, узнала и почти поняла этого человека. Его вдова Зоя Николаевна показала мне, как принято, семейный архив. Там было лишь несколько официальных фотографий времен молодости: худой человек с пронзительным взглядом. Всё остальное — снимки последних лет, большей частью на яхте или вместе с друзьями по яхт-клубу. Здесь он действительно похож на Зубра — мощью и узнаваемой силой. Но не только внешнее сходство, как выяснилось, роднит этих людей.

Первую свою яхту Самохоцкий сделал сам. Во время оккупации ее угнали румыны, и вторую уже делали мастера по его заказу. Палубу любимой «Альты» он не покидал до девяноста лет. Когда ему было семьдесят, яхт-клуб временно перенесли в далекое от дома место. Он купил мотоцикл, получил права и не только ездил, но еще затаскивал машину на третий этаж. Его и в девяносто лет никто не осмелился бы назвать стариком. Разве что пожилым исполином: не тускнели глаза, не старел голос, не подводили память и сила.

Хоронили Александра Святославовича товарищи по яхт-клубу, в парусном спорте он слыл знатоком и был почитаем всеми. Но парусный спорт составлял меньшую часть его жизни. Большая была отдана медицине.

Родился Самохоцкий в 1890 году в семье земского врача и, как это водилось в старые времена, да и теперь случается, унаследовал профессию отца. После реального училища окончил медицинский факультет Одесского университета, в Первую мировую войну работал хирургом на фронте, потом стал ассистентом кафедры топографической анатомии в Одесском медицинском институте.

Никто не знает, когда его впервые посетила идея, которой — он верил в это — суждено сделать переворот в медицине. Думаю, что на фронте, где врач особенно остро чувствует свою беспомощность перед сепсисом и гангреной.

Дневниковые записи того времени, к сожалению, не сохранились. Известно, впрочем, что уже к 1924 году Самохоцкому понадобилось опробовать метод, сформулированный и испытанный в лаборатории. Врач имел на это моральное и юридическое право, поскольку до этого доказал безвредность своего метода. Александр Святославович бросил институт и пошел хирургом в одну из одесских районных поликлиник — в ту, где, по его предварительной разведке, пациенты особенно часто обращались к врачам по поводу гнойных воспалений и травм. Вскоре по городу поползли слухи о молодом докторе, который вылечивает безнадежные гнойные воспаления и травмы. Другие врачи настаивают на ампутации, а он лечит...

Только через восемь лет, убедившись в своей правоте, он вернулся в медицинский институт. Здесь его ждал «кабинет» — каморка под лестницей, отгороженная фанерой. Впрочем, для работы места хватало. Однажды студенты увидели, как на газете, расстеленной на подоконнике и придавленной четырьмя камешками, он сушил какой-то оранжевый порошок (то был бихромат калия). «Вот так у нас делается наука», — сказал он.

Его занятия изумляли не только студентов, но и коллег-хирургов. То, что он делал, напоминало более всего работу химика-аналитика: точные навески солей, мерные колбы, дистиллированная вода, разноцветные растворы, самодельный хроматограф. Результаты, однако, были неожиданными.

Самохоцкий работал только с безнадежными больными. Его шеф после неудачного лечения бидистиллированной водой сдавал ему с рук на руки пациентов со спонтанной гангреной, которым консилиум назначил ампутацию. На глазах у студентов Самохоцкий обрабатывал обезображенные руки больного зеленоватым раствором из пузырька, который он неизменно носил в кармане халата. Потом накладывал повязку и поручал студентам наблюдать за больным. Через месяц-другой пациент без посторонней помощи писал письма домой и вскоре выписывался из больницы со здоровыми руками и ногами.

Студенты любили независимого тощего врача, владеющего тайной исцеления, и больше всего, может быть, за то, что все свои методы и препараты Самохоцкий испытывал прежде всего на себе. Однажды, чтобы продемонстрировать действенность своего метода и, быть может, поразить воображение студентов, он на одной из лекций попросил сделать ему на руке разрез нестерильным скальпелем, наложить несколько швов и смочить рану раствором. Через неделю он показал руку: рана зажила бесследно. Это свойство раствора он использовал и в хирургической практике, когда требовалась срочная операция, а стерильного инструмента под рукой не было.

Он много знал отнюдь не только из медицины, вмешивался в студенческие споры и читал импровизированные лекции, но помимо знаний он вкладывал в юные головы нечто большее — неверие в незыблемость истин, стремление докопаться до сути.

Сам он докапывался до нее всю жизнь. Набрал огромный статистический материал об эффективности своего метода и решил наконец написать книгу. Это было перед войной. Академик А.Д. Сперанский, прочитав рукопись, высоко оценил работу, но не манеру изложения. Он писал Самохоцкому в письме: «... Другой бы из этой книги сделал десять диссертаций. Вы же не сделали ни одной...»

Книга так и не увидела свет — возможно, Самохоцкий и впрямь неважно излагал свои идеи на бумаге. Такое не редкость. А вот одну диссертацию, не десять, он всё же сделал. После войны.

Как быгодились военным хирургам идеи Самохоцкого, нестерильные операции, способы быстрого заживления гнойных воспалений! Сам он применял их ежедневно в Одесском госпитале, где работал хирургом во время оккупации. Здесь — многие знают об этом — выполняя задания партизан, он укрывал и спасал людей. Оккупанты привозили в госпиталь раненых, измученных пытками партизан. Самохоцкий вылечивал их и помогал бежать, а для гестаповцев записывал их в покойники и предъявлял для подтверждения тела других людей. Он собирал деньги для выкупа приговоренных к расстрелу у румын; один смертник стоил тогда золотой червонец.

Война укоротила творческие биографии многих ученых. Подозрительное отношение ко всем, кто работал в оккупации, не способствовало исследованиям. К тому же по чьей-то злой воле Самохоцкого не считали участником Сопротивления, хотя подтверждающие это документы лежали в его личном деле.

Кстати, на квартире Александра Святославовича хранились всю войну ценные книги, спасенные из библиотеки Одесского медицинского института.

Самохоцкий продолжал работать. И в 1946 году он с блеском защитил кандидатскую диссертацию. Ее название подходило бы, скорее, для обобщающей монографии: «Опыт определения лечебных законо-

мерностей». Это был опыт жизни: диссертанту давно перевалило за пятьдесят.

Наверное, пора уже объяснить, в чем суть идей Самохоцкого. Скажу здесь лишь совсем немного — подробности вы найдете в его статье, которая напечатана после этих записей.

В основе работ Самохоцкого лежат положения теории нервизма. Она гласит, что болезнь — это результат реакции центральной нервной системы на раздражитель. Каверну в легких, гной в воспаленном очаге создает не инфекция, а сам организм, процессы в котором изменились под воздействием раздражителя. Многие факты подтверждают это. Например, у спящего кролика, которому во сне привиты бациллы чумы, болезнь проявляется лишь после того, как он проснется.

Если есть некая универсальная реакция нервной системы на раздражитель — та реакция, которая формирует болезнь, — значит, должен быть и другой универсальный инструмент, который, воздействуя на нервную систему, возвращает организм к состоянию равновесия. Какого сигнала ждет нервная система?

По Самохоцкому, универсальный индикатор, сигнализирующий о любой болезни, о всяком нарушении в работе организма, — это электролитный состав крови. Отклонения элементов от нормы служат количественной оценкой болезни. Задача врача — указать центральной нервной системе, каких макроэлементов недостает, восполнить недостачу, выровнять их соотношения.

Сложные растворы недостающих элементов вводятся в кровь, они раздражают хеморецепторы в стенках кровеносных сосудов, сигнал поступает в центральную нервную систему, и организм сам начинает нормализовать электролитный состав крови.

Это — принцип. Подробности должны интересовать скорее врача, нежели пациента.

При таком подходе к лечению диагноз уже неважен: Самохоцкий лечил не болезнь, а человека. Цитирую: «...Убежден, что время радикальной ревизии лечебных позиций классической медицины давно наступило, и только консерватизм и инерция мышления тормозят это. Наша эпоха патентованных препаратов, когда по радио объявляют название препарата, перечень болезней, которые он лечит, цену и условия хранения, — позорный тупик, отодвинувший идейные позиции лечебной медицины на многие столетия назад. Великие врачи древности, провозгласившие “нет болезней, есть только больные”, — титаны по сравнению с мелюзгой, восхваляющей новые патентованные препараты, особенно заграничные. Если взглянуть на это сквозь призму великих идей Сеченова, Введенского, Павлова, Сперанского, то даже глупцу станет ясно, что патентованным препаратам — лидерам современной лечебной медицины — не вывести ее из тупика».

Подход Самохоцкого к лечению был шагом на пути к теории терапии, и, судя по практическим результатам, удачным шагом. Вот что писал по этому поводу академик Сперанский: «У нас действительно нет теории терапии, почему наша фармакология до сей поры и развивается лишь по частному поводу. Работы доктора Самохоцкого в идейном отношении направлены к тому, чтобы понять необъяснимое в системе полезности и бесполезности наших лечебных мероприятий и испытать новую точку зрения в этом деле, способную пролить свет на давно уже существующие трудности».

На защите диссертанту устроили овацию. Аплодисменты отгремели, и что же? Самохоцкий по-прежнему ассистент, врач-одиночка, вылечивающий тяжелых больных, от которых отказался его шеф. Работа в целом так и не опубликована. Как говорил Самохоцкий, слишком много вдруг объявилось попутчиков.

В октябре 1953 года собралась Комиссия по проверке результатов лечения по методу А.С. Самохоцкого. Профессура единодушно признала преимущество этого метода над консервативным лечением и приняла решение: «...Обеспечить дальнейшие исследования необходимой аппаратурой (спектрограф, микрофотометр, горелки для эмиссионного спектра и пр.)». Цена этому, как, впрочем, и многим другим решениям разных комиссий, известно какая. Для примера: в 1954 году мединститут получил спектрограф. Ректор отказал Самохоцкому и передал прибор на кафедру физики. Это было последней каплей. Самохоцкий ушел с работы, и никто не попытался задержать его.

О независимости и бесстрашии Александра Святославовича до сих пор ходят легенды. Друзья рассказывают такой случай. Однажды в биллиардном зале Дома ученых доктор наблюдал игру двух высоких партийных чинов. После удара шар сорвался за борт и покатился по полу. Игрок повелительно приказал маркеру Антону Павловичу, седовласому, с бородой по пояс, подать шар. Старик, шаркая и кряхтя, выполнил приказание. И тут раздался громкий голос Александра Святославовича: «До сей поры, Антон Павлович, я уважал вас, но после того, как вы позволили этим соплякам так с собой обойтись, я с вами не знаком». Повернулся и вышел. Не терпел ни высокомерия, ни раболепия.

Ему приходилось общаться с чиновниками. Вылеченные пациенты сами, без его ведома, писали письма в разные инстанции, требовали создать Самохоцкому условия для работы, распространить его метод лечения. Когда Александра Святославовича вызывали в очередной кабинет и спрашивали, что ему нужно, он отвечал: «Мне? Мне ничего не нужно, это вам нужно». На этом разговор и заканчивался.

Теперь, когда он не работал больше в мединституте, его день по-прежнему был расписан по минутам: работа, изучение литературы, занятия спортом, гимнастика. Всё, что представлялось ему значимым, он выписывал в пухлые тетради. Отрадно было найти в них ссылку на «Химию и жизнь». Память по-прежнему работала четко, он читал наизусть Киплинга и Гумилева. Ясность ума, равно как физическое здоровье, он сохранил до последних лет. Себя лечил теми же средствами, что и своих больных.

Пациентам, которых он теперь принимал дома, Самохоцкий говорил: «Вы должны поверить мне и выполнять все мои требования». Больные обычно соглашались — к нему приходили большей частью отчаявшиеся люди. Леля Михайловна Н., одна из его пациенток, сама медик, рассказывала, какое впечатление произвел на нее нестерильный шприц, который Самохоцкий вытащил из кармана домашнего халата. Когда он сдул со шприца табачные крошки и предложил сделать укол, она была близка к шоку. Кстати, несколькими инъекциями Самохоцкий снял у нее вспышку псориаза.

Когда Леля Михайловна стала делать для него анализы крови — а это необходимая диагностическая процедура в методе Самохоцкого, — работать стало легче. Но это не казалось Самохоцкому выходом из положения, и он стал искать иные способы объективной оценки состояния организма. Он нашел их в китайской медицине. Тщательно, как, впрочем, всё, что он делал, Александр Святославович изучил принципы иглотерапии и поиска активных точек, а затем изготовил прибор для диагностики. Теперь по разности потенциалов точек симпатической и парасимпатической ветвей вегетативной нервной системы он мог судить о том, нарушено ли и насколько нарушено соотношение калия и кальция в крови, чтобы затем скорректировать это соотношение.

Никогда Самохоцкий не брал с пациентов денег, при первой же попытке «отблагодарить» отказывал в лечении. Однажды пациентка, которую он вылечил от остеомиелита бедра, оставила у него на столе конверт с деньгами. Не сразу сообразив, в чем дело, он догнал ее на лестнице и швырнул конверт. Деньги рассыпались дождем с третьего этажа. Когда друзья спрашивали его, почему он так поступает, он раздраженно отвечал: «Какое они имеют право оценивать то, что я делаю!»

Была, правда, и другая причина. Он многого требовал от пациентов: диета, режим дня, не курить, не пить, не принимать лекарств, вести дневник с подробным описанием самочувствия. Малейшее нарушение — и он отказывал в лечении. Деньги не позволили бы таких чистых отношений. Пациент для него всякий раз становился объектом исследования, а ему нужен был только чистый эксперимент. Он боялся скомпрометировать свой метод. Говорил жене:

«Никому не рассказывай о моем методе, а то такое наплетешь, что надо мной будут смеяться».

Оценки всё же сохранились — письма пациентов. Читаю, и берет жуть: тысячи спасенных и полная безвестность их спасителя.

У Зои Николаевны собрались друзья, бывшие пациенты Александра Святославовича. Я задаю всем один вопрос — почему не осталось учеников, почему никто не продолжил его дело? Отвечают по-разному: нерасположение руководства института, непонимание со стороны коллег-хирургов, отсутствие приборов, независимый и несладкий характер, всеобщее и чрезмерное увлечение антибиотиками, поначалу воспринятыми как панацея. Мало ли что еще.

Впрочем, что толку теперь отыскивать причину. Такие истории в науке были и будут: ученый-одиночка, опередивший время, врач-одиночка...

Стоп. Это меня и смущает — ведь Самохоцкий был врач, он не мог не понимать, что значит для человечества его метод лечения. Почему же он допустил, чтобы его идеи ушли вместе с ним? Почему не передал их никому? Понимаю, что это был человек независимый, с сильным чувством собственного достоинства, он не умел и не желал приспособливаться, никогда не шел на компромиссы, потому что знал — за первой уступкой последуют другие, с каждым разом всё больше...

И всё же — ведь он был врач?..

От редакции. А теперь — научно-популярная статья А.С. Самохоцкого, которую он написал в 1970 году. Статья печатается с небольшими сокращениями (публикацию подготовила З.Н. Мейер). Цель публикации — пробудить интерес прежде всего исследователей в надежде дать идеям Самохоцкого новую жизнь на новом уровне знаний. Специалистов, которые интересуются работой профессионально, отсылаем к диссертации «Опыт определения лечебных закономерностей», хранящейся в ВАКе, и к рукописи, депонированной во ВНИИМИ МЗ СССР № Д-14130—87 (реферат напечатан в «Медицинском реферативном журнале», 1987, № 11, раздел IX, публ. 1754).